

Разговор о человеческой душе

Около 60 остановок и столько же сыгранных ролей – огромный багаж, который за 50 лет творческой деятельности накопил актер, режиссер-постановщик русской труппы Восточно-Казахстанского областного драматического театра, «ҚР Мәдениет қайраткері» (деятель культуры РК) Олег Петрович Маципуло. «Чайка», «Прибайкальская кадрили», «Старший сын» и многие другие спектакли, сыгранные под руководством корифея сцены, зрители помнят спустя годы благодаря особому подходу Олега Петровича к созданию действия. 17 февраля лицедей отпраздновал свой 70-летний юбилей бенефисом, в очередной раз его спектакль собрал аншлаг, а сам режиссер стал еще ближе к зрителю.

«Мой первый режиссер», «Мой первый учитель» - так начинали свое поздравление коллеги Олега Маципуло. Почти все актеры выросли на глазах театрального деятеля, набирались опыта, искали себя и примеряли новые роли в его постановках. Традиционная торжественная часть перед началом спектакля прошла дольше обычного, ведь желающих сказать слово бенефицианту было необычайно много. Даже бывшие актеры областного театра, живущие сейчас в других странах, прислали видеопоздравления. Финальную песню, адресованную Олегу Петровичу, исполняли не только артисты драмтеатра, но и бывшие студенты, некогда занимавшиеся у лицедей в университетском театральном кружке.

Для бенефиса режиссер выбрал спектакль Алехандро Касона «Дикарь», поставленный им семь лет назад. Олег Маципуло как актер в постановке не задействован. Именно «Дикаря» он выбрал для показа потому, что мелодрама раскрывает философию души юбиляра, аспектами которой он поделился в интервью корреспонденту «РА».

– Олег Петрович, с каким настроением встречаете свой юбилей?

– Есть определенные этапы жизненного пути. 50 лет – время подводить итоги, думать, состоялся ты в профессии или нет. В 60 лет ты уже состоявшийся человек, который ищет себя в этом мире. Для режиссера 70 лет – это довольно мучительный возраст. Есть за плечами цикл разочарований, но есть также и невероятное чувство того, что ты уже грамотный человек, взрослый, с огромным багажом жизни, есть чувство мощной уверенности в своей правоте. Будучи молодым режиссером, ищущим актером ты иногда ошибался и думал: «Что я натворил?» Такая мысль в 70 лет – это формула для идиота. Если ты не состоялся в профессии, то ты действительно натворил. Моя жизнь началась в театре с рождения. Отец работал дирижером, а мать актрисой в музыкальном театре города Омск. Я рос за кулисами театра.

– Сегодня состоится показ спектакля «Дикарь». Помните, как он создавался? Чем Вас тогда заинтересовал этот материал?

– Мое мироощущение, мое миропонятие, философия моей души совпадают с темой, которую мы открыли в «Дикаре». Я заявил с самого начала театрального сезона, что на моем бенефисе будем играть именно его. Можно было выбрать спектакль, где я бы самопроявился как актер, можно было бы восстановить

некогда существовавшие спектакли – «Чайка», «Марина Цветаева». Все это очень интересно, но чем старше я становлюсь, тем больше понимаю некоторые условия существования человека на Земле. Это природа, от которой мы отделились, с которой мы только начали знакомиться и ушли от нее. И мне кажется, надо возвращаться туда, в горы, в реки, чтобы наши мегаполисы не превращались в ядовитую ловушку для людей. Земля нас любит, раз до сих пор нас терпит. Но давайте, мы ответим взаимностью?

– На Вашем счету порядка 60 постановок. Вспомните самые яркие спектакли, созданные под Вашим началом? Над какими из них было интереснее всего работать?

– Каждый спектакль, который я ставил и в котором играл, оставил след. Особенно я любил играть в тех, где режиссером являлся не я. Мне нравилось провести себя под другой конструкцией, чтобы режиссер меня направлял, чтобы дал немножко иной способ существования. Свое слово говорит и зритель. Иногда мы с режиссером можем решить много могучих философских вещей. Режиссер надеется, что будет оглушительный успех, а его нет. Прогнозировать в искусстве невозможно. Запомнилась работа с Островским, конечно. По своей приключенческой молодой жизни мне удалось поработать в Вологде. Там по-другому ставили классику, более фундаментально и более исторично подходили к этому вопросу. Там не были согласны с Малым театром, где называли Русь темным царством. Русь никогда не была темным царством. Там любили краски. Я сделал «Грозу» именно такой. Весь коллектив у нас очень проявился, спектакль получился оглушительным. Мы поставили настоящие деревянные ворота во все зеркало сцены, мы одели актеров и актрис «по-кустодиевски» (Борис Кустодиев – советский театральный художник, - прим. ред.). Чтоб было понятно, вспомните фильм «Женитьба Бальзаминова». У меня было точно такое же чаепитие с баранками, были танцы, все фольклорное, народное, участвовал ансамбль «Бастеньки» – они, ярко наряженные, гуляли по набережной Волги. Коробейником был нынешний художественный руководитель труппы Роман Степенский, тогда он только закончил училище. Он бегал и кричал: «Пирожки! Баранки!» Создалась атмосфера старой Руси, где происходят любовь, интрига, встречи на Волге по вечерам. Еще один спектакль – это «Марина Цветаева», его высоко оценивали, но постановку нужно было показывать подготовленному зрителю. Мы сочиняли его сами к юбилею поэтессы, отдали много сил. Но я понял, что сильно навязчиво заставляю людей любить поэзию. А поэзия – интимное занятие. Однако я хочу, чтобы философия души оставалась в постановке.

– Насколько легко донести идею спектакля до актеров?

– Я думаю так: кто хочет, тот поймет. Есть артисты, которые до конца не понимают, кого играют. Таким нужно точно рисовать ситуацию, предлагаемые обстоятельства, атмосферу, и они также точно будут действовать в этом. А если начнешь философствовать с ними, то затуманишь мозги. Философия – это для режиссера. А действенная линия, событийный ряд, который ты должен выставить – для актера. Ведь не с неба свалились системы Станиславского, Чехова. Чеховым я, к слову, увлечен. Мне кажется, он во многом был прав. Он поменял

сценическое время. Станиславский говорил, что сценическое время должно быть таким: вот читаешь на сцене газетный фельетон, прочитай его весь про себя, а зритель в этот момент должен ждать, переживать. Чехов с Вахтанговым сказали, что это чушь, никто столько ждать не будет. Ведь зритель поменялся. Станиславский играл для дворян. Они еще могли высидеть и посмотреть, как герои разговаривают и читают. Это я понимаю. А когда театр стал общедоступным, уже нужно было работать не для одного маленького слоя, а для всех людей – матросов, солдат, людей с улицы. Они же не будут ждать. Им нужны интрига, песни, захватские ходы. Тем не менее, нужно заставить артиста мыслить на сцене. В нашей труппе много артистов, которые выросли на моих глазах, в моих спектаклях, в спектаклях наших режиссеров, которые не просто создают вид, что мыслят, и не пытаются, а на самом деле делают это.

– Какие спектакли хотите поставить в ближайшем будущем?

– Я начал нашу беседу с того, что не хочу ошибаться, не хочу придумывать, искать. Я уже нашел. И в этом плане я хочу продолжить эксперимент психологического театра. Пусть это будет детективная фабула как в «Инь и Ян» Бориса Акунина, или классика, тот же Александр Островский. В моем возрасте почему-то все занимаются теологией и мистицизмом. Меня тоже увлекает эта тема. Я много прочитал о дзен-буддизме. Меня интересует Оскар Уайльд, но не так примитивно, как его изображают в кино. Я хочу говорить о человеческой душе. Если действительно существует переселение душ, то что происходит, если душа попадает не в ту оболочку и делает не те поступки? Именно об этом пишет Оскар Уайльд. Я бы с удовольствием на малой сцене поставил спектакль «Портрет Дориана Грея». Я считаю, мы так отделились от природы, что она нам мстит – она сделала для нас маленький промежуток существования. Вдруг, если мы повернем все иначе, будем ближе к природе, то будем дольше жить, развиваться. Вот ведь какое дело, я понял, что в 60 лет только созрел. Не в 30, не в 40 – это все поиски. А в 60. И в 70 могу размышлять над какими-то вещами.

Кристина Кирдяпкина